

Другие люди

Про книгу

Два года назад Гейб потерял жену и дочь. Но до сих пор верит, что его дочь Иззи жива. В тот жуткий день он видел ее в чужой машине. Гейб лишился всего, сменил дом на бус и начал колесить по окрестностям в поисках той машины. В какой-то момент, устав от безуспешных поисков, он решает покончить с собой. Но внезапно человек, который называет себя Самаритянином, обещает помочь найти машину. Через несколько дней он сообщает Гейбу о местонахождении авто. Но Гейб обнаруживает в машине труп, а в бардачке — записную книжку, в которой всего два слова: «Другие люди». Самаритянин просит Гейба прекратить распутывать это дело, ведь эта организация не оставляет свидетелей в живых. Но если так, откуда он это знает?..

С. ДЖ. ТЮДОР

ДРУГИЕ ЛЮДИ



С. ДЖ. ТЮДОР ВЕЛИКОЛЕПНА!
НЕ МОГУ ДОЖДАТЬСЯ ЕЕ СЛЕДУЮЩЕЙ КНИГИ. ХАРЛАН КОБЕН

С. Дж. Тюдор

Другие люди

Р^{оман}



Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

© Betty & Betty Ltd, 2020

© DepositPhotos.com / axstokes, YAYImages, обложка, 2020

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и
художественное оформление, 2020

ISBN 978-617-12-8001-4 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Два роки тому Гейб втратив дружину й дочку. Але він досі вірить, що його дочка Іззі жива. Того моторошного дня він бачив її в чужій автівці. Гейб втратив усе, поміняв будинок на бус і почав їздити околицями у пошуках тієї машини. У якийсь момент, утомившись від марних пошуків, він вирішує вкоротити собі віку. Але несподівано чоловік, який називає себе Самарянином, обіцяє допомогти знайти машину. За кілька днів він повідомляє Гейбу місце перебування автівки. Гейб знаходить у ній труп, а в бардачку — записник, у якому лише два слова: «Інші люди». Самарянин просить Гейба припинити розплутувати цю справу, адже ця організація не лишає свідків живими. Однак якщо так, то звідки він це знає?..

Тюдор С. Дж.

Т98 Другие люди : роман / С. Дж. Тюдор ; пер. с англ. Е. Боровой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 336 с. ISBN 978-617-12-7910-0 ISBN 978-0-241-37128-2 (англ.)

Два года назад Гейб потерял жену и дочь. Но до сих пор верит, что его дочь Иззи жива. В тот жуткий день он видел ее в чужой машине. Гейб лишился всего, сменил дом на бус и начал колесить по окрестностям в поисках той машины. В какой-то момент, устав от безуспешных поисков, он решает покончить с собой. Но внезапно человек, который называет себя Самаритянином, обещает помочь найти машину. Через несколько дней он сообщает Гейбу о местонахождении авто. Но Гейб обнаруживает в нем труп, а в бардачке — записную книжку, в которой всего два слова: «Другие люди». Самаритянин просит Гейба прекратить распутывать это дело, ведь эта организация не оставляет свидетелей в живых. Но если так, то откуда он это знает?..

УДК 821.111

Публикуется при содействии “Madeleine Milburn Literary, TV & Film Agency” и “The Van Lear Agency LLC”

Переведено по изданию:
Tudor C. J. The Other People : A Novel / C. J. Tudor. — London :
Penguin Random House, 2020. — 416 p.

Перевод с английского *Елены Боровой*

Дизайнер обложки *Алина Белякова*

Маме и папе. Лучшим людям

Ад — это другие.

Жан-Поль Сартр

Она спит. Бледная девушка в белой комнате. Ее окружают медицинские аппараты. Механические хранители, они удерживают спящую девушку в мире живых, не позволяя ей уплыть прочь, в темную бесконечность.

Их мерное гудение и ее собственное затрудненное дыхание — единственная колыбельная для спящей девушки. Прежде она любила музыку. Любила петь. Любила играть. Она находила музыку во всем — в птицах, деревьях, море.

В углу комнаты стоит небольшое фортепиано. Крышка его поднята, но клавиши покрыты тонким слоем пыли. На нем стоит раковина цвета слоновой кости. Изгибы гладких нежно-розовых внутренностей напоминают ушную раковину.

Аппараты гудят и жужжат.

Раковина подрагивает.

Внезапно комнату заполняет резкий звук в тональности «до».

Где-то падает, засыпая, другая девочка.

Глава 1

Три года тому назад Автотрасса М1 на север

Сначала он заметил наклейки вокруг заднего стекла и вдоль бампера:

Жми на клаксон, если невмоготу.

Не едь за мной, я заблудился.

Если водишь, как я, лучше молись.

Сигнал сломан, следи за рукой.

Настоящие мужики любят Иисуса.

Весьма противоречивые послания. Тем не менее они определенно говорили об одном: водитель — придурок. Гейб был готов побиться об заклад, что тот носит футболки с рекламными слоганами, а на работе над его столом висит плакат с изображением обезьяны, обхватившей лапами собственную голову, и с надписью пониже: «*Необязательно быть сумасшедшим, чтобы тут работать, но это здорово помогает*».

Он не понимал, как водитель вообще может хоть что-то видеть сквозь заднее стекло. С другой стороны, другим водителям было что почитать, стоя в пробке. Вроде той, в которой они сейчас застряли. Длинная вереница машин медленно ползла, пробираясь между участками, где велись дорожные работы. Казалось, эта пробка образовалась тут еще в прошлом столетии и не рассосется до следующего тысячелетия.

Гейб вздохнул и нервно забарабанил пальцами по рулевому колесу, как будто это могло как-то ускорить движение транспорта или призвать некую машину времени. Он уже почти опаздывал. Еще не опоздал. Не окончательно. Еще оставалась призрачная надежда успеть домой вовремя. Но верилось в это слабо. На самом деле он разуверился уже где-то на перекрестке 19, как и все остальные

водители, слишком опытные, чтобы пытаться счастья, используя спутниковые навигаторы и хитросплетение второстепенных дорог.

Еще больше расстраивало то, что сегодня ему удалось уйти вовремя. Он должен был свободно добраться домой к восемнадцати тридцати, успев и к ужину, и к тому времени, когда нужно укладывать Иззи спать. Он ведь обещал Дженни — *обещал*, — что именно он сегодня уложит дочь.

— *Всего один раз в неделю. Это все, о чем я прошу. Один вечер, когда мы ужинаем все вместе, ты читаешь своей дочери сказку на ночь и мы притворяемся, что у нас нормальная, счастливая семья.*

Это больно задело. Именно этого она и добивалась.

Конечно, он мог бы напомнить, что он собирал Иззи в школу в то утро, поскольку Дженни нужно было спешить на встречу с клиентом. Это он успокаивал их дочь и клеил пластырем царапину на подбородке, когда их нервный кот из приюта для животных (которого взяла Дженни) поцарапал ее.

Но он промолчал. Потому что они оба знали: это никак не компенсирует все, что он пропустил, все моменты, когда его не было рядом. Дженни отнюдь не была непомерно требовательной. Но когда дело касалось семьи, она очень четко определяла границы. Если ты их нарушал, проходило много времени, прежде чем она позволяла тебе вернуться.

Это была одна из причин, по которой он любил жену: ее истовая преданность их дочери. Мать самого Гейба была более предана дешевой водке, и он никогда не знал, кто его отец. Гейб поклялся, что будет другим, что всегда будет рядом со своей маленькой девочкой.

И тем не менее сейчас он застрял на этой автостраде и вот-вот опоздает. Снова. Дженни не простит его. Не в этот раз. Ему не хотелось думать о том, что это означает.

Он пытался позвонить ей, но все звонки шли на автоответчик. А теперь в его телефоне оставалось меньше одного процента заряда, а значит, батарея могла сдохнуть в любой момент. И, как водится, именно сегодня он оставил зарядку дома. Все, что он мог делать, — это сидеть, сердито постукивая пальцами по рулю и глядя на чертова любителя наклеек перед собой, а также бороться с желанием нажать ногой педаль газа и оттолкнуть с дороги все машины, стоящие впереди.

Многие наклейки выглядели старыми. Выцветшими и сморщенными. Да и сама машина казалась древней. Старый «Форд Кортина» или что-то подобное. Выкрашенная в цвет, который был так популярен в семидесятых — своего рода тусклое золото. Заплесневелый банан. Цвет грязного заката. Умирающего солнца.

Из дребезжащей выхлопной трубы периодически вылетали клубы грязно-серого дыма. Весь бампер пестрел пятнами ржавчины. Знака производителя не было видно. Возможно, тот отпал вместе с половиной номерного знака. Остались только буквы «Т» и «N» и часть цифры — то ли восьмерки, то ли шестерки. Гейб нахмурился. Кажется, это противозаконно. Возможно, эта чертова тарантайка не пригодна для езды по дорогам, даже не застрахована и водитель не имеет прав. Лучше держаться от нее подальше.

Он как раз подумал о том, чтобы перестроиться в другой ряд, когда в заднем окне, обрамленном отклеивающимися стикерами, появилось лицо девочки лет пяти-шести. Круглое, розовощекое личико. Светлые волосенки стянуты в две тоненькие косички.

Первой его мыслью было, что ребенок должен быть пристегнут к автокреслу.

Его вторая мысль была: *Иzzi*.

Девчушка уставилась на него. Ее глаза расширились. Она открыла рот, стало заметно, что впереди не хватает одного зуба. Он помнил, как завернул выпавший зубик в бумажную салфетку и сунул его под подушку для зубной феи.

Она произнесла: «Папочка!»

Затем появилась рука водителя, он дернул девочку за предплечье, усаживая вниз. Ребенок скрылся из виду. Исчез. Пропал.

Он уставился на пустое окно.

Иzzi.

Невозможно.

Его дочь дома со своей мамой. Наверное, смотрит канал Диснея, пока Дженни готовит ужин. Она не могла находиться на заднем сиденье, даже не пристегнутая к детскому автокреслу, в какой-то незнакомой странной машине, которая едет бог знает куда.

Наклейки не позволяли разглядеть водителя. Гейб едва видел его макушку над надписью: «Жми на клаксон, если невмоготу». Черт подери! Он действительно посигналил. Потом помигал фарами.

Машина, казалось, чуть ускорилаь. Впереди заканчивались дорожные работы, а знаки, предписывающие двигаться со скоростью до 50 миль в час, сменились на общенациональные ограничения скорости.

Иззи. Он надавил на газ. Это был новый «Рендж Ровер». Он летел как птица. И все же старое разбитое ржавое корыто впереди удалялось от него. Он нажал на педаль сильнее, наблюдая за тем, как стрелка спидометра приближается к семидесяти, семидесяти пяти, восьмидесяти пяти. Он сокращал расстояние между ними, но передняя машина вдруг вильнула в средний ряд и обогнала сразу несколько автомобилей. Гейб последовал за ней, подрезав какую-то фуру. Рев сигнала почти оглушил его. Ему казалось, что еще немного, и сердце выскочит из груди, как в чертовом ужастике «Чужой».

Машина впереди опасно маневрировала, перестраиваясь из ряда в ряд. «Рендж Ровер» Гейба оказался зажатым «Фордом Фокус» с одной стороны и «тойотой» впереди. Черт подери! Он посмотрел в зеркало, перестроился в крайний правый ряд и снова вильнул во второй ряд перед «тойотой». В то же самое время какой-то джип перестроился туда же с третьей полосы, чуть не задев капот машины Гейба. Тот нажал на тормоза. Водитель джипа мигнул аварийкой и показал ему средний палец.

— Себе его засунь, чертов идиот!

Ржавое корыто двигалось на несколько машин впереди и по-прежнему рыскало, перестраиваясь с одной полосы на другую, его задние огни исчезали вдали. Гейб не мог за ним угнаться. Это было слишком опасно.

Кроме того, он пытался убедить самого себя в том, что, скорее всего, ошибся. Наверняка! Это не могла быть Иззи. Невозможно! С какой стати ей быть в этой машине? Он просто устал, разнервничался.

Было темно. Должно быть, это какая-то другая маленькая девочка, похожая на Иззи. *Очень похожая на Иззи.* Маленькая девочка с такими же светлыми волосами в косичках, с такой же дыркой между передними зубами. *Маленькая девочка, которая назвала его «папочка».*

Впереди вспыхнул знак: СТАНЦИЯ ТЕХОБСЛУЖИВАНИЯ ½ МИЛИ. Он мог заехать, позвонить, успокоиться. Но он уже опаздывал, поэтому необходимо было ехать дальше. С другой стороны, эти несколько минут уже ничего не решали. Мимо проплывал поворот на

станцию. Свернуть к обочине? Ехать дальше? Притормозить? *Иззи*. В последнюю минуту он вывернул руль влево, пересек предупреждающую разметку, провоцируя все новые сигналы клаксонов. Он нажал на газ, свернув на дорогу к станции техобслуживания.

Гейб почти никогда не останавливался на станциях технического обслуживания. Подобные места действовали на него угнетающе — тут было полно несчастных людей, которые на самом деле хотели быть где-то совсем в другом месте.

Он потратил драгоценные минуты в поисках таксофона, бегая вверх и вниз, проходя мимо различных точек питания, пока в конце концов не нашел его в закутке возле туалетов. Только один. Никто больше не пользовался таксофонами. Он потратил еще несколько минут на поиски мелочи, прежде чем понял, что можно использовать карту. Потом достал дебетовую карту из кошелька, сунул ее в прорезь таксофона и позвонил домой.

Обычно Дженни не отвечала на первый звонок. Она всегда была занята, всегда что-то делала с *Иззи*. Как-то она сказала, что хотела бы иметь восемь пар рук. Ему следует чаще бывать с ними, подумал Гейб. Он должен помогать.

— Слушаю.

Женский голос. Но это не Дженни. Голос незнакомый. Он позвонил не на тот номер? Гейб не очень часто набирал его. Все время пользовался мобильными телефонами. Он проверил номер на таксофоне. Определенно, это их стационарный телефон.

— Алло? — снова послышался голос. — Это мистер Форман?

— Да. Это мистер Форман. А вы кто, черт возьми?

— Я инспектор-следователь Маддок.

Детектив. В его доме. Отвечает на его телефон.

— Где вы, мистер Форман?

— Трасса М1. Я на заправке. Еду с работы домой, — залепетал он. Как будто был в чем-то виноват. Но он и был виноват, правильно? Виноват во многом.

— Вам нужно вернуться домой, мистер Форман. Немедленно.

— Почему? В чем дело? *Что произошло?*

Долгая пауза. Раздутая, удушающая тишина. «Тишина, — подумал он, — которая полна невысказанных слов». Слов, которые сейчас

полностью сломают вашу жизнь.

— Это касается вашей жены... и вашей дочери.

Глава 2

Настоящее время Заправка Ньютон-Грин, трасса М1, перекресток 15, 13.30

Худой мужчина пил черный кофе, добавляя в него много сахара. Он редко что-нибудь ел. Один, может быть, два раза он заказал тост и оставил его, откусив всего пару раз. Кейти казалось, что у него вид человека, который ближе к смерти, чем можно было бы ожидать, судя по возрасту. Одежда висела на нем, как на выпотрошенном огородном пугале. Истощение прорезало глубокие морщины на его лице, под глазами и скулами. Его пальцы, в которых он держал кофейную чашку, были длинными и изящными, а кости так сильно выступали под тонкой кожей, что казалось, вот-вот порежут ее.

С виду можно было бы предположить, что он смертельно болен. Рак. Ее няня, которая прошла через это, выглядела точно так же. Но у него была другая болезнь. Болезнь сердца и души. Лучшие лекарства и врачи в мире не могли излечить то, что мучило этого человека. Ничего не могло.

Когда он стал появляться на заправке — один-два раза в месяц, — то поначалу раздавал листовки. Кейти тоже взяла одну из них. Фото маленькой девочки. ВЫ МЕНЯ ВИДЕЛИ? Кейти, конечно, видела. Ее все видели. Малышка была во всех выпусках новостей. Она и ее мама.

Тогда у этого худого человека была надежда. В некотором роде. Безумная надежда, которая питает людей, как наркотик. Это все, что у них осталось. Они опираются на нее, как на клюку, даже когда понимают, что надежда сама по себе превратилась в зависимость. Люди говорят, что ненависть и горечь могут уничтожить человека. Они не правы. Это делает надежда. Надежда пожирает тебя изнутри, как паразит. Она заставляет тебя висеть, как приманка над акулой. Но надежда не убивает тебя. Она действует иначе.

Этого худого человека надежда снедала изнутри. У него не осталось ничего. Ничего, кроме бесконечных дорожных миль и придорожных кафе.

Кейти взяла его пустую чашку и вытерла стол.

— Принести вам еще?

— Обслуживание столиков?

— Только для постоянных клиентов.

— Спасибо, но мне пора.

— Хорошо. Увидимся.

— Да, — снова кивнул он.

Вот и все, о чем они говорили. Каждый раз. Она не была уверена, что он осознает, что, бывая здесь, каждый раз говорит с одним и тем же человеком. У нее было такое чувство, что все люди для него лишь фон.

Кейти слышала, что это не единственное кафе, которое он посещает, и не единственная заправка. Работники заправок тоже путешествуют — и общаются друг с другом. Так же, как и полицейские, которые часто бывали в их кафе. Ходили слухи, что он день и ночь ездит по трассе, останавливается на разных станциях техобслуживания и ищет машину, которая увезла его маленькую девочку. Он ищет свою пропавшую дочь.

Кейти надеялась, что это не так. Она надеялась, что худой мужчина в конце концов обретет покой. Не только ради него. Что-то в нем и в его тихом отчаянии царапало по обнаженным нервам. Больше всего она надеялась, что однажды придет на работу, а его не будет и ей больше никогда не придется думать о нем.

Глава 3

Раньше Гейбу никогда не нравилось ночное вождение. Слепящий свет фар встречных машин. Неосвещенные участки автотрассы, где дорога, расстилающаяся впереди, казалось, растворяется в бесконечном небытии. Как будто въезжаешь в черную дыру. Его это всегда дезориентировало. В темноте все выглядело по-другому. Изменялось расстояние, искажались формы.

Теперь же ночью он чувствовал себя намного комфортнее. Он удобно устраивался на водительском сиденье, в салоне тихо играла музыка. Сегодня это был Лори Андерсон. «Странные ангелы». Этот альбом он слушал чаще всего. В нем пелось о чем-то потустороннем, жутком и сверхъестественном, и это странным образом импонировало ему. Ему казалось, что эта музыка подходит его метаниям туда-сюда по черному асфальту.

Иногда он представлял себе, что путешествует по большой темной реке. А иногда — что плывет сквозь пространство, в вечную черноту. Странные мысли сонно ворочались в его голове глубокой ночью, когда давно было пора отправиться спать и дать отдых мозгу. Однако, несмотря на то что он позволял своим мыслям рассеянно блуждать где-то в неведомых далях, его настороженный, цепкий взгляд не отрывался от дороги.

Гейб совсем не спал — полноценно, крепко. Именно по этой причине он садился за руль. Когда ему нужно было отдохнуть — не потому, что он устал, а потому, что просто чувствовал, что следует сделать перерыв, — мужчина заезжал на одну из заправок, которые за эти годы успел хорошо изучить.

Он мог бы перечислить их все — и с одной, и с другой стороны по трассе М1: список предоставляемых услуг, рейтинги и расстояния между ними. В его представлении они больше всего напоминали дом. В этом была определенная ирония, учитывая, как сильно он раньше не любил всякие заправки. Когда ему нужно было нечто большее, чем просто полный бак или чашка черного кофе, он парковал свой автофургон на одном из карманов для грузовиков и на пару часов

перебирался на заднее сиденье. Он всегда злился на себя за бездарно потраченное время, когда ничего не делал, не занимался поисками, но при этом понимал: хотя мозг его никогда не расслаблялся, глаза, запястья и ноги время от времени требовали отдыха. Порой, выбираясь из-за руля, он чувствовал себя неуклюжим неандертальцем, который впервые пытается встать вертикально. Поэтому он заставлял себя закрыть глаза и вытянуться во весь свой почти двухметровый рост, насколько это было возможно, в задней части фургончика, чтобы поспать хотя бы пару часов в сутки. А потом он снова возвращался на дорогу.

Все, что ему было нужно, он возил с собой. Туалетные принадлежности, несколько смен белья и одежды. Иногда он делал крюк, съезжая с трассы, чтобы завернуть в прачечную самообслуживания или в город. Ему не нравились эти вынужденные поездки. Они слишком сильно напоминали о нормальной повседневной жизни большинства людей. Походы по магазинам, работа, встречи с друзьями за чашкой кофе, поездки за детьми в школу. Все, чего он больше не делал. Все, что он потерял или упустил.

На автостраде, на СТО и заправках нормальная жизнь отходила на второй план. Все куда-то ехали, все были в пути, между пунктами отправки и прибытия. Ни там, ни там. Что-то вроде чистилища.

Свой телефон и ноутбук он держал всегда рядом, как и два запасных зарядных устройства и несколько аккумуляторных батарей (он знал, что никогда больше не допустит такой ошибки). Когда он не сидел за рулем, то проводил время за чашкой кофе, просматривая новости и проверяя сайты пропавших без вести, — просто на всякий случай: вдруг действительно появятся какие-то новости.

Большинство из таких сайтов были всего лишь своеобразными досками объявлений. Они содержали сообщения о пропавших людях, на них размещали обновления и проводили работу по распространению информации. Все в отчаянной надежде, что кто-то где-то увидит пропавшего и свяжется с подавшими объявление.

Прежде он скрупулезно изучал их. Но через некоторое время до него дошло: надежда, отчаяние. Одни и те же фотографии снова и снова. Лица людей, которых искали годами, десятилетиями. Остались лишь изображения на фотографических снимках. Их прически

становились все более старомодными, а улыбки — более холодными с каждым пропущенным днем рождения и Рождеством.

Почти каждый день появлялись новые лица. Все еще с отголосками жизни. Он представлял себе, что их подушки еще хранят вмятины от головы, зубные щетки по-прежнему стоят в стаканчиках, а вещи в шкафу пахнут свежестью после стирки, а не плесенью и нафталиновыми шариками.

Но со временем это произойдет. Как и с другими. Время будет идти уже без них. Остальной мир продолжит свой путь. И только их любимые останутся стоять на платформе, не в состоянии уйти, не в состоянии отказаться от поиска и ожидания.

Пропавший без вести — это не то же самое, что умерший. В некотором смысле это хуже. В смерти есть некая окончательность. Она дает право скорбеть. Ставить памятники, зажигать свечи, возлагать цветы. Дает право отпустить.

Когда кто-то из близких пропадает без вести, человек как будто попадает в чистилище. Застревает в странном, мрачном месте, где надежда слабо мерцает на горизонте, а страдание и отчаяние кружат над ним подобно стервятникам.

Зажужжал телефон в подставке на приборной панели. Он посмотрел на экран. Имя, высветившееся на нем, заставило зашевелиться волоски на шее.

Еще одно, что вы обретаєте, если долго путешествуете по дорогам глубокой ночью, — другие полуночники. Другие вампиры. Водители фур и грузовиков, доставляющие грузы на дальние расстояния. Полицейские, парамедики, обслуживающий персонал на заправках. Как та блондинка-официантка. Она снова работала в ночную смену. Женщина казалась довольно милой, но всегда выглядела уставшей. Он представлял себе, что у нее когда-то был муж, но он ушел. Теперь она работает по ночам, чтобы днем заниматься детьми.

Он часто это делал. Придумывал для людей истории, будто они были персонажами книги. Одних можно было «прочитать» сразу. Другие занимали немного больше времени. А некоторых невозможно было понять, хоть всю жизнь ломай голову.

Как, например, Самаритянина.

«Где ты?» — значилось в его сообщении.

Обычно Гейб не выносил людей, использующих сокращения, даже в эсэмэсках, — как наследство от его прежней профессии копирайтера, — но по разным причинам он прощал их Самаритянину.

Он коснулся значка микрофона на экране телефона и сказал: «Между Ньютон-Грин и Уотфорд-Гэп». Слова вспыхнули как сообщение. Гейб нажал «отправить».

Появилось ответное сообщение: «Встретимся у Бартон-Марш, возле перекрестка 14. Высылаю схему проезда».

Бартон-Марш. Небольшая деревушка недалеко от Нортгемптона. Не очень красивая. Где-то в пятидесяти минутах езды.

«Зачем?»

В ответ всего четыре слова. Слова, которых он ждал почти три года. Ждал — и боялся услышать.

«Я нашел эту штуку».

Глава 4

Заправочная станция Тимбшелф, трасса М1, перекресток 28-9

Фрэн глотнула кофе — ну, она надеялась, что это был кофе. В меню было сказано: «кофе». И выглядел напиток соответственно. И имел запах, отдаленно похожий на кофе. Но на вкус это была отвратительная гадость. Она потрясла пакетик сахара. Уже четвертый. Напротив нее, по другую сторону липкого пластикового столика, Элис нерешительно взяла в руку анемичнотощий кусочек тоста, который, как и кофе, весьма отдаленно соответствовал описанию данного продукта в законе о защите прав потребителей.

— Ты собираешься это съесть? — поинтересовалась Фрэн.

— Нет, — рассеянно пробормотала Элис.

— Я тебя понимаю, — сказала Фрэн, сочувственно улыбнувшись, хотя от этого усилия у нее заболели щеки, — вдобавок к рези в глазах и головной боли.

В голове у нее при этом ярком флуоресцентном свете пульсировало сильнее, чем когда-либо. Она ничего не ела с прошлого утра. Желудок не бунтовал, а вот голова от голода и недосыпания болела. Отчасти именно поэтому она решила, что они должны остановиться выпить кофе и перекусить. Ха-ха, черт возьми! Они не смогли сделать ни то, ни другое. Пусть это послужит ей уроком. Она оттолкнула кофе.

— Тебе нужно в туалет, прежде чем мы пойдем дальше?

Элис сначала отрицательно покачала головой, а потом заколебалась:

— А как далеко нам придется ехать?

Хороший вопрос. Как далеко? Насколько далеко будет достаточно? Она понятия не имела, но не хотела говорить об этом Элис. Она должна была все держать под контролем, чтобы ничто не нарушало ее плана. Она просто не могла сказать Элис, что едет так быстро, как

только может, пытаясь оказаться подальше от того места, где они жили прежде.

— Ну, довольно далеко, но по пути много других заправочных станций.

Конечно, до тех пор, пока они не съедут с автомагистрали, а потом единственным вариантом будут придорожные стоянки для грузовиков.

Элис поморщилась.

— Наверно, можно сейчас сходить, — сказала она с таким энтузиазмом, как будто Фрэн предложила ей зайти в клетку к львам-людоедам.

— Хочешь, чтобы я пошла с тобой?

Девочка снова заколебалась. Помимо всего прочего, Элис страдала фобией общественных туалетов. Но ей было уже почти восемь, и еще больше она боялась вести себя, как маленький ребенок.

— Нет, я сама справлюсь.

— Уверена?

Элис кивнула, а затем с мрачной решимостью, которая делала девочку гораздо старше ее реального возраста, поднялась со своего места. После очередного секундного колебания она потянулась через стол за своей сумкой — маленьким розовым рюкзачком, украшенным фиолетовыми цветами. Элис никуда не ходила без него, даже в туалет. Когда она перекинула лямку через худенькое плечико, внутри рюкзака что-то застучало и заклацало.

Фрэн постаралась не нахмуриться, чтобы не выдать свой страх. Она подняла чашку кофе и сделала вид, что пьет, пока Элис шла к двери. Ее длинные каштановые волосы были собраны в высокий хвост, джинсы заправлены в угли, тоненькая фигурка утопала в большой спортивной куртке.

Волна горячей любви захлестнула Фрэн. Такое иногда случается.

Порой любовь, которую испытываешь к своему ребенку, просто пугает. С той минуты, как ты берешь на руки это крошечное тельце с мягким пушком на головке, все меняется. Ты живешь в состоянии вечного изумления и ужаса: изумления от того, что ты смогла произвести на свет нечто столь невероятное, и ужас, что в любой момент его могут у тебя отнять. Жизнь никогда прежде не казалась Фрэн такой хрупкой и такой пугающей.

Она думала, что о детях можно не беспокоиться, только когда они спят. Именно тогда они в безопасности, старательно укрытые в своих кроватках. Но проблема была в том, что Элис не спала в своей кровати. Не всегда. Элис могла уснуть где угодно и в любой момент. По дороге в школу. В парке, в туалете. Вот она бодр — а уже в следующий миг отключилась. Это было страшно.

Но не так страшно, как во время ее пробуждения.

Фрэн подумала о рюкзаке. Об этом постоянном перестуке. Паника билась и металась в груди, как ночной мотылек.

Элис уставилась на табличку на двери женского туалета. Женщина в треугольной юбочке. Когда девочка была помладше, она думала, что этот рисунок означает, что если на ней брюки, то ей нельзя сюда входить. Сейчас она не хотела входить. Страх скрутил внутренности, и от этого еще больше захотелось писать.

Она боялась не самих туалетных комнат. И даже не шумных сушилок для рук (хотя раньше они ее немного пугали). Это было что-то другое. Что-то, чего невозможно избежать во многих ваннных комнатах, — но особенно в общественных туалетах с их рядами раковин и неожиданных углов.

Зеркала. Элис не любила зеркала. Она боялась их с самого раннего детства. Одним из самых давних воспоминаний было то, как она наряжалась, а потом украдкой пробралась наверх, к большому маминому зеркалу в спальне, чтобы посмотреть на себя. Она стояла такая нарядная в платье Эльзы из «Холодного сердца»... и вдруг начала кричать.

Не все зеркала представляли проблему. Некоторые были вполне безопасны. Она не знала почему. Она не могла этого объяснить, как не могла объяснить, почему другие были опасными. Незнакомые зеркала были опаснее. Зеркала, которые она не знала. Те, в которых она видела разные вещи; те, из-за которых она могла упасть.

«Все будет хорошо, — сказала она себе. — Просто смотри вниз. Продолжай смотреть вниз».

Девочка глубоко вдохнула и толкнула дверь. Резкий смешанный запах освежителя воздуха и дезинфицирующего средства попал ей в горло, отчего ее замутило. В туалетной комнате никого не было, и это

показалось необычным. Хотя, с другой стороны, было еще довольно рано и в придорожном кафе царило затишье.

Девочка поспешила к ближайшей туалетной кабинке, не поднимая глаз от пола, и захлопнула дверцу. Она опустилась на унитаз, пописала, потом быстро вытерлась, смыла и выскользнула из кабинки, по-прежнему глядя в пол. Теперь предстояло самое сложное. Ей нужно было подойти к раковине и вымыть руки.

Она почти сделала это. Но мыло никак не выдавливалось из дозатора. Она нажимала и нажимала рычажок, а потом подняла взгляд вверх. Просто не смогла удержаться. Или, может быть, этот запретный блеск притягивал ее, как притягивает чуть приотворенная дверь. Ее невозможно не толкнуть, открыв пошире, чтобы посмотреть, что там, с другой стороны.

Элис увидела свое отражение. Правда, это была не она. Это было совсем не ее отражение. Это была очень похожая на нее девочка, но несколькими годами старше. Вот только Элис была темноволосой и голубоглазой, а та, другая девочка, была бледной, почти альбиносской, с белыми волосами и светлыми, как молочно-серый мрамор, глазами.

— Элиссс...

Даже ее голос был блеклым и невнятным, как будто его уносило ветром.

— Не сейчас. Уходи.

— *Шшшшш. Молчи.*

— Оставь меня в покое.

— *Ты мне нужна.*

— Я не могу.

— *Мне нужно, чтобы ты спалааа.*

— Нет. Я не...

Но прежде чем малышка успела сказать «устала», веки Элис сомкнулись и она рухнула на пол.

Глава 5

Я нашел эту штуку. Возможно ли это, ведь прошло столько времени? И, конечно же, Гейб прекрасно понял, чего Самаритянин *не* сказал. Он написал: «Я нашел эту штуку», а не «Я нашел девочку». Если только он не пощадил Гейба. Но зачем вызывать его на то место? Там явно было что-то еще. Гейб это чувствовал. Ложь заключалась в умолчании. *Я нашел эту штуку.* И что?

Он покосился на незнакомые дорожные знаки и повернул автофургон на проселочную дорогу, которая казалась слишком узкой и извилистой. У Гейба всегда возникало мимолетное ощущение растерянности, когда он съезжал с трассы. Как будто он перерезал страховочный трос. Отрывал пуповину. Прыгал в пропасть без парашюта.

В глубине сознания острыми когтями скребла паника. Паника, что он ее упустит. Снова. Иррациональный, безумный страх. Но он ничего не мог с этим поделать. Автострада. Это была его единственная зацепка. Место, где он в последний раз ее видел. Место, где он ее потерял.

Ради своего ребенка люди готовы сделать что угодно. Что угодно. А он просто смотрел, как дочь скрывается из виду. Просто позволил тем задним фарам умчаться вдаль. Уехать. Исчезнуть. Он снова и снова прокручивал тот эпизод в памяти. Если бы только он поступил иначе! Если б только он не свернул с трассы! Если бы поехал за той чертовой раздолбанной машиной! Если бы, если бы только!

Задним умом мы все сильны. Но это лишь иллюзия силы. Так называемый «задний ум» — это жалкий обманщик. Ведущий некоего игрового шоу в золотом костюме и дурацком парике, который с издевкой показывает вам, что вы могли бы выиграть.

Если бы вы были быстрее, смелее, решительнее. Если бы вы не были таким трусом. Тем не менее, дамы и господа, аплодируйте ему. Он был замечательным участником.

Хотя и неудачливым. Чертовски неудачливым.

Гейб крепче сжал руль и посмотрел на часы: 2.47 ночи. Глубокий черный бархат ночного неба по-прежнему пронизывали крошечные искорки света. Рассвет еще не скоро отдернет эту темную завесу. Сейчас, в середине февраля, это произойдет не раньше чем через три часа.

Он был рад, потому что предпочитал тьму. Предпочитал это время года. Он одновременно любил и ненавидел время, когда в октябре дни становились ощутимо короче. Длинные летние дни он переносил с трудом. Солнечные дни привлекали больше людей на автостраду — машины везли на отдых целые семьи. Улыбающиеся, взволнованные лица. Взмокшие от пота, крикливые, замученные. И во всех лицах он видел Иззи.

Один или два раза, в самом начале, он чуть не бросился бежать за маленькой девочкой, уверенный, что это его дочь. И оба раза понимал — не успев выставить себя полным дураком (или получить удар в челюсть от разозленного папаши), — что был неправ. Он избежал унижения. Но это не спасло его от мучительного разочарования.

К октябрю потоки отдыхающих рассасывались: все возвращались в школы, на работу, к своим обычным маршрутам. Но на их место приходили другие события. Другие торжества. Хэллоуин, Ночь костров. Ему казалось, что все праздники на протяжении года предназначены для того, чтобы напоминать людям, лишенным семьи, о том, насколько они одиноки. О том, что у них нет ни детей, восхищенными глазенками наблюдающих за вспышками фейерверка. Ни любимой супруги, которую можно было бы обнять и прижать к себе, защищая от осенней прохлады.

Но хуже всего было Рождество — самый разрекламированный праздник. От других праздников еще можно было спрятаться на дорогах и автострадах, на заправках и придорожных кафе. Но Рождество — *нечистый бы его побрал!* — просачивалось повсюду, и с каждым годом все раньше и раньше.

Даже на заправочных станциях неуклюже пытались украшать помещения и ставить какие-то кособокие елки, раскладывая под ними небрежно завернутые пустые коробки. Магазины наполнялись рождественскими «вкусностями» для тех, кто забыл подарок для тети Эдны по пути на семейное торжество. А эти песни! Они просто сводили его с ума! Одни и те же рождественские псалмы, снова и

снова, и даже не в оригинальной версии, а скверные кавер-версии. После первого года Гейб приобрел себе пару очень дорогих шумоподавляющих наушников, чтобы не слышать их, и включал собственную подборку менее оптимистичных песен.

Гейб ненавидел Рождество. Любой, кто когда-либо терял близких, ненавидит Рождество. Рождество берет твою боль и усиливает ее десятикратно. Оно напоминает о твоей потере каждой сверкающей елочной верхушкой, каждым рождественским гимном. Оно напоминает, что не будет тебе ни передышки, ни послабления. Твое горе неумолимо, и, даже если его удастся спрятать, как коробку с новогодними украшениями, оно все равно вернется. Оно появляется каждый год как старый знакомый, как призрак Джейкоба Марли из диккенсовской «Рождественской песни».

Чем больше времени было до Рождества, тем более умиротворенным он себя чувствовал. Не счастливым. Гейб никогда не чувствовал себя счастливым. Он не был уверен, что конкретно это эмоциональное состояние когда-либо снова будет ему доступно. Но он нашел своего рода приятие. Он принял не то, что Иззи пропала, а тот факт, что теперь вот это и есть его жизнь. Неумолимая, безрадостная, утомительная, жестокая. Но это было правильно. Это было то, что он заслужил. Пока он ее не найдет. Так или иначе.

Зеленый знак впереди: Бартон-Марш, 2 мили. Следующий поворот направо. Он мигнул фарами и остановился. В наушниках Лори Андерсон исполняла балладу о Гензеле и Гретель: «Гензель, ты меня практически ломаешь... Гретель, какой же сукой ты порой бываешь».

Повернув, Гейб оказался на еще более узкой и извилистой проселочной дороге, напрочь лишенной какого-либо освещения. Только редкие катафоты подмигивали ему с середины дороги. Телефон пропиликал, что пришло сообщение:

«Ты далеко?»

«Две мили».

«Уже проехал ферму?»

«Нет».

«За фермой ищи площадку для стоянки грузовиков. Остановись. Тропинка в лес».

«Хорошо».

Тропинка в лес.

По коже пробежали мурашки. На мгновение он задался вопросом, что привело Самаритянина в такой укромный уголок. Затем он решил, что на самом деле не хочет этого знать.

Он снова сосредоточился на дороге. Слева от него из темноты выскочил знак: Ферма «Олд Мэдоуз». И, конечно, через несколько метров с правой стороны он заметил площадку для стоянки фур и грузовиков. Знак стоянки почти полностью скрывался за разросшимися деревьями.

Гейб остановился позади единственной припаркованной там машины. Черный БМВ. Машина была довольно старой, с частично заляпанным грязью номерным знаком. Этого было недостаточно, чтобы привлечь внимание полиции, но не позволяло разобрать его с первого взгляда. Боковые и задние стекла были затонированы, хотя Гейб сомневался, что это сделано для комфорта пассажиров.

Гейб выключил двигатель автофургона, который, как ему казалось, урчал так громко, что было слышно даже на ферме, и, открыв бардачок, достал небольшой фонарь. Потом он схватил с пассажирского сиденья свою толстую парку и натянул на себя. Выбравшись из фургона, он запер дверь. Наверно, это было необязательно. Он просто медлил. Тянул время.

Вечер был довольно холодным, и он застегнул куртку до самого подбородка. Из рта валил пар, напоминая клубы сигаретного дыма. Гейб огляделся по сторонам и увидел слева полусгнивший знак пешеходной дорожки, которая вела к узкому просвету в разросшемся кустарнике.

Тропинка в лес.

Гейб знал, что из прогулки в лес среди ночи в полном одиночестве не выйдет ничего хорошего.

Он щелкнул фонарем и двинулся вперед.

Глава 6

Восемь минут. Фрэн посмотрела на часы. Элис не было слишком долго. Даже принимая во внимание ее боязнь туалетов, восемь минут — это все же слишком много. Фрэн схватила сумку и отодвинула стул от стола.

Она поспешила по главному проходу, почти пустому в этот утренний час. Мимо скучающего уборщика, одетого в слишком маленькую для его дородного тела форму, который выборочно подметал пол то тут, то там. Мимо газетного киоска и секции с игровыми автоматами, где — даже в этот час и даже если бы замерз ад, — одинокий унылый посетитель сидел, постукивая по мигающим кнопкам однорукого бандита, словно какой-то оживший зомби из компьютерной игры «Фрукты против зомби». Фрэн повернула за угол и направилась к женскому туалету.

— Элис!

Девочка лежала на полу, свернувшись в позе эмбриона, возле длинного ряда раковин. Волосы упали ей на лицо, и одной рукой малышка все еще сжимала свой рюкзачок. К подошве прилип кусок туалетной бумаги.

— Черт! — Женщина опустилась на колени и убрала волосы с лица Элис. Дыхание девочки было неглубоким, но размеренным. Когда Элис впадала в глубокий сон, ее дыхание становилось таким медленным, что Фрэн всегда опасалась худшего. Но сейчас, положив голову ребенка себе на колени, Фрэн почувствовала, что ее дыхание выровнялось. «Уже скоро, — подумала она. — Давай же!»

Элис медленно открыла глаза. Фрэн ждала, наблюдая, как та моргает, стараясь сосредоточиться. Хотя Элис отключилась всего на несколько минут, она успела заснуть очень глубоко. Там, в глубине, ее подстерегали кошмары. *Там плавали ужасные монстры.*

Фрэн мало что знала об этих кошмарах.

— Я здесь, дорогая. Я здесь, — успокоила она малышку.

— Извини, я...

— Ничего страшного. Ты в порядке?

Элис моргнула и попыталась сесть. Фрэн помогла ей подняться. Элис затуманенным взглядом посмотрела по сторонам.

— Туалет?

— Да.

Тут это обычно и происходило. Туалеты, раздевалки. Любые комнаты, где были зеркала. Фрэн раньше думала, что страх Элис перед зеркалами иррационален, но страх обычно не бывает по-настоящему бессмысленным. Для человека, который его испытывает, все имеет вполне конкретный смысл. Теперь женщина это понимала. Каким-то образом зеркала влияли на состояние Элис, провоцировали ее приступы. К тому же это было еще не все.

За углом раздался стук каблуков. Фрэн повернулась на звук. В туалет вошла женщина в мятой форменной одежде, стоптанных туфлях на шпильках и с сильно накрашенными глазами. Она бросила быстрый взгляд на Фрэн и Элис, замерла перед зеркалом и нахмурилась.

Фрэн проследила за ее взглядом. Она была так занята Элис, что только теперь поняла, что одно из зеркал над раковиной разбито. Осколки тонкого стекла валялись рядом с ней на полу.

— Вот ведь люди! — воскликнула женщина. Она снова посмотрела на Фрэн и Элис. — С вашей дочерью все в порядке?

Фрэн заставила себя улыбнуться:

— О да. Она просто поскользнулась. У нас все в порядке.

— Хорошо, — кивнула женщина, выдавив быструю утомленную улыбку, и открыла дверь в одну из кабинок.

Она, вероятно, почувствовала облегчение, что ей не пришлось помогать. Как и большинство людей. Обычно они делали вид, что готовы помочь. Но на самом деле никто не хотел выкладываться за кого-то постороннего. Все были заняты только собой.

Скорее всего, женщина в поношенных туфлях и с вульгарным макияжем забудет о них, как только вымоет руки и окунется в свою обычную жизнь, в привычную рутину, в свои собственные проблемы.

Но, с другой стороны, возможно, и нет. Она могла вспомнить женщину и девочку на полу в туалете. Она могла упомянуть о них в разговоре с кем-то — с сотрудницей, с виртуальным знакомым.

Им нужно было ехать дальше.

— Давай, дорогая. — Фрэн встала и подняла Элис на ноги, держа ее за руку. — Ты можешь идти?

— Я в порядке. Я просто упала.

Элис подняла сумку — *стук-стук* — и перекинула ее через плечо. Они вдвоем двинулись к двери. Вдруг девочка замерла.

— Подожди.

Она повернулась.

— Что? — прошипела Фрэн.

Элис подошла к раковинам, хрустя осколками стекла. Фрэн нервно посмотрела на закрытую дверь кабинки и двинулась следом. Ее собственное рассеченное на фрагменты отражение смотрело на нее из осколков разбитого зеркала. В центре зияла черная дыра. В этих острых осколках ей трудно было узнать собственное отражение. Она с усилием отвела взгляд и посмотрела вниз, в раковину.

Возле сливного отверстия лежал камень, слишком большой, чтобы проскользнуть в сток, хотя у Фрэн возникло какое-то ребяческое желание попытаться его туда протолкнуть.

Элис взяла голыш и сунула в рюкзачок, к остальным камешкам. Фрэн даже не попыталась ее остановить. Она не могла вмешиваться в этот ритуал, что бы это ни значило, откуда бы ни появлялись эти камешки.

Первый появился около года назад. У Элис тогда случился один из приступов, и она лежала, свернувшись клубочком, на полу гостиной. Когда она проснулась спустя двадцать минут, Фрэн увидела что-то у нее в ладони.

— *Что это?* — спросила она с любопытством.

— *Галька. Я принесла ее с собой.*

— *Откуда?*

Элис улыбнулась, и у Фрэн по спине пробежал холодок страха.

— *С пляжа.*

С тех пор каждый раз, когда у Элис был приступ, она просыпалась, сжимая в руке камешек. Фрэн пыталась придумать рациональное объяснение. Возможно, Элис собирала камешки где-то в другом месте, прятала их, а затем одно ловкое движение — и он оказывался у нее в ладошке, как только девочка просыпалась. Вполне рациональное объяснение — и все же совершенно неубедительное.

Так откуда же берутся эти чертовы камешки?

В туалете зашумела вода слива.

— Нам лучше уйти, — быстро сказала Фрэн.

Они двинулись к двери. Фрэн оглянулась. Что-то еще обеспокоило ее в этом зеркале. Дыра посередине. Стекло по всему полу, но ни одного осколка в раковине.

Неужели это Элис бросила гальку в зеркало?

Но если разбиваешь зеркало, стекло падает прямо вниз. Не взрывается изнутри.

Это произошло бы, только если бы что-то бросили из-за зеркала, сквозь него.

С другой стороны.

Она спит. Бледная девушка в белой комнате. Медсестры регулярно заботятся о ней. И хотя она находится не в больнице, ей обеспечен лучший круглосуточный уход. Медсестрам хорошо платят, от них не так много требуется — только поворачивать девушку, мыть ее и следить, чтобы ей было удобно. Все остальное отслеживает и обеспечивает медицинская аппаратура.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ